

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1928

нения или поправки. В обзоре литературы о диване хузайлитов (стр. 59—60) можно было бы достичь несколько большей полноты.¹ Отдельные выражения в переводе иногда напрашиваются на известное уточнение.² Можно отметить несколько неточных огласовок (быть может, характера простых опечаток);³ текст арабского комментария, как указывает и сам издатель, не всегда удовлетворителен и не мог быть установлен с уверенностью. Эти мелочи только с большей яркостью подчеркивают, насколько вдумчиво и основательно исполнена вся работа. Ни метод, ни полнота привлечения материала не вызывают никаких замечаний.⁴

Молодому ученому у себя на родине предстоит трудная задача пионера; ему надо создать отсутствовавшую до сих пор востоковедную среду и школу. Судя по его первым шагам, он идет верным путем к намеченной цели. Надо надеяться, что ему будут предоставлены для этого на месте возможности и необходимая поддержка, которую он заслужил своей неослабной работой в трудных условиях последнего десятилетия. Французская монография Ф. Байрактаревича показывает, что европейская наука в праве ожидать от него не только работы в местном масштабе, но и вкладов в арабистику вообще. Следует пожелать, чтобы намеченное им издание остальной части дивана Абү Кабира с его фрагментами возможно скорее увидело свет. Для истории древне-арабской поэзии это откроет новую, хорошо освещенную страницу.

И. Крачковский.

Ленинград, 22 Августа 1927 г.

40. Prosper Ricard. Corpus des tapis marocains. I. Tapis de Rabat. Стр. XIV + 31 + LXIV табл. Изд. Paul Geuthner. Paris, 1923. II. Tapis du Moyen Atlas. Стр. I + 74 + 64 рис. в тексте + LXIV табл. Изд. Paul Geuthner. Paris, 1926.

¹ В связи с переводом R. Abicht'a можно отметить очень резкий отзыв о нем J. Wellhausen'a в DLZ за 1886 г., стр. 1372—1373. Со статьей Hell'я о кайрской рукописи связана заметка Rhodokanakis'a о венской ее копии в ZDMG LXIV, 813. Не упомянуты им работы J. Barth, Zur Kritik des Diwāns der Hudailiten (ZA, XXVI, 1912, 277—286) и J. Wellhausen'a, Carmina Hudsailitarum, ed. Kosegarten № 56 und 75 (ibid. 287—294). Новейшими работами по хузайлитам, вышедшими уже после диссертации Ф. Байрактаревича, являются J. Hell, Der Diwan des Abū Du'aib. Hannover 1926 (ср. рецензии G. Jacob'a в OLZ XXX, 1927, 282—285 и Н. Н. Bräu, WZKM XXXIV, 1927, 128—130) и Die Gedichte des Hudailiten Mulaih b. al-Nakam. Übersetzt von Н. Н. Bräu (ZS V, 1927, 69—94, еще не окончено).

² Стр. 75, стих 1. Вместо передачи شيبة через vieillesse я предпочел бы видеть обычную седину.

³ Стр. 70, прим. к ст. 28 чит. Ibn az-Zib'arā вм. Ibn az-Zib'arī.

⁴ Очень похвальный отзыв вызвала работа ученика и со стороны R. Geyer'a (WZKM XXXIV, 1927, 125—126).

Научный материал по изучению восточных ковров, начатому давно, возрастает неравномерно. Интерес исследователей к определенным районам и категориям обуславливался во многих случаях притоком изделий из мест производства и составом музейных и частных собраний. Несмотря на большое количество и громадную ценность превосходных работ, освещающих производство отдельных стран, даже тех, продукция которых подвергалась наибольшему изучению, как например, Персия, некоторые типы ковров до сих пор не установлены. Номенклатура в изданиях колеблется, причем ковры одного типа называют то по месту производства, то по месту вывоза или просто условным именем, не говоря уже про явные недоразумения.¹ На это обстоятельство не раз указывали различные исследователи.² Не лучше обстоит дело и с разбивкой на большие основные группы: в работах общего характера встречается разделение на две группы (персидскую и малоазиатскую) и более (с дополнением кавказской, туркменской, индийской).³ Еще реже упоминаются ковры мавританские, китайские и египетские. Как неточна до сих пор классификация и неполны еще сведения, выясняется благодаря работе P. Ricard, посвященной до ныне неизвестной группе — коврам Марокко. Об этих коврах в предшествующей литературе нет упоминаний, если не считать двух сообщений в журнале «Hespéris», принадлежащих перу P. Ricard и его сотрудника, лейтенанта Goudard.⁴

Издание «Corpus des tapis marocains» выходит отдельными томами; каждый из них, в виде альбома в папке, содержит сброшированный текст и отдельные таблицы. Том I — «Tapis de Rabat», напечатанный в 1923 г., и том II — «Tapis du Moyen Atlas», вышедший в 1926 г., отличаются друг от друга в содержании на столько, на сколько разнятся ковры марокканских горожан от изделий кочующих в горах и долинах Среднего Атласа берберских племен.

В предисловии к первому тому (стр. V—VIII) автор раскрывает цели, преследуемые изданием. Как и в других районах коврового производства,

¹ H. Ropers, Morgenländische Teppiche. III Aufl. Berlin, 1920, p. 90: «Die Schiras-Teppiche nennt man auch Mekka-Teppiche». Die Samarkand-Teppiche, p. 107, рис. 54, явно соответствуют коврам Восточного Туркестана. R. Neugebauer und J. Orendi, Handbuch der Orientalischen Teppichkunde. Leipzig, 1909, p. 225.

² См. А. Миллер, Ковровые изделия востока. Ленинград, 1924, стр. 7—8.

³ А. Миллер, *op. cit.*, стр. 5—7. H. Ropers, *op. cit.*, p. 54. R. Neugebauer und J. Orendi, *op. cit.*, p. 101.

⁴ Hespéris, Archives berbères et Bulletin de l'Institut des Hautes-Études marocaines. Libr. Larose, Paris. 1926, 1 trimestre. Lieutenant Goudard, Tapis berbères des Beni Alaham (Moyen Atlas marocain). P. Ricard, Tapis berbères des Ait Ighezrane (Moyen Atlas marocain). Оба сообщения перепечатаны дословно во II томе «Corpus'a», но несколько отличаются составом иллюстраций, а также вошли в краткий список библиографии, v. I, p. VIII.

качество марокканских ковров пострадало от употребления непрочных красок, ввозимых из Европы. Французский протекторат, заинтересованный в поддержании выделки ковров на должной высоте, стремится к этому различными способами: был организован ряд выставок и ярмарок, открыта мастерская в Рабате, основаны в 1915 г. два музея (в Рабате и Фесе). Эти мероприятия, значение которых несомненно и велико, не представляются чем-либо необычным. Но заботы протектората шире и глубже. Он старается удержать изделие марокканских ковров на достойном уровне законодательным путем и наладить экспорт. С этой целью были изданы последовательно (в 1919 и 1921 гг.) два постановления,¹ которыми введено сперва особое государственное клеймо для местных ковров, замененное позже пломбой, налагаемой лишь при соблюдении определенных условий. Пломбой (за 2 франка) могут быть снабжены ковры из чистой шерсти натуральной окраски, ручной вязки, с основой и утком из хлопка или шерсти. Узоры их должны соответствовать зафиксированным в официальном сборнике («*Congrus officiel*»), который хранится в канцеляриях *Service des Arts indigènes*. Настоящее издание представляет частичную публикацию этого обширного сборника. Выработка ковров во французском Марокко достигла в 1923 г., по словам P. Ricard, 30.000 кв. м. и с 1921 г., на основании закона от 14 ноября 1921 г., марокканские ковры ввозятся во Францию и ее колонии беспошлинно. Несомненно, эти факты и явления играют не малую роль в экономике страны.

В исследовании (стр. 1—11) автор дает общую характеристику техники ковров Рабата, их композиции, колорита и орнамента. На последнем автор останавливается дольше всего, причем им составлен алфавитный указатель названий с комментариями (стр. 11—31). Как и следовало ожидать в городском производстве, номенклатура смешанная, но число арабских названий имеет значительный перевес над берберскими. На таблицах I—XXXI воспроизведены по клетчатой бумаге контуры 135 узоров черным, соответственно контуру из черной шерсти в коврах Рабата, но без обозначения различной окраски шерсти, заполняющей фигуры (стр. 10). Узоры эти, по способу воспроизведения, очень напоминают старинные образцы для вышивания крестиком. В предисловии (стр. V), исследовании (например, стр. 6, 7, 9) и неоднократно в указателе P. Ricard подчеркивает сходство композиции и орнамента преимущественно с малоазийскими коврами. Продолговатая форма сравнительно узких ковров из Рабата, как полагает автор (стр. 2), не есть случайность, а зависит от устройства

¹ Их полный текст на стр. IX—XII.

местных жилищ, с потолками на кедровых или туевых балках, которые довольно коротки, вследствие чего помещение вытягивается более в длину, чем в ширину.

Указатель и подбор орнаментов напоминают о распространении отдельных орнаментальных элементов по всем мусульманским странам. Можно для примера назвать комбинации квадрата с отходящими от него крючками (рис. 10 и 16), которые попадают не только в коврах Малой Азии, но и в Закавказьи. Другая фигура в виде буквы S (рис. 27, 28, 60, 70, 132) встречается едва ли не повсеместно: ее можно найти в коврах Персии, Закавказья, Малой и Средней Азии, крымско-татарских тканях и т. д.

В одних мотивах название совершенно очевидно для изучающего соответствует изображению. Это особенно наглядно в воспроизведениях растений, цветов, некоторых предметов домашнего обихода или представителей животного царства, как например, *sejra* (деревцо), рис. 3 или под тем же названием букет в вазе, рис. 41; *jerida* (пальма), рис. 134; цветок типа лилии, рис. 26; *brik* (кувшин), рис. 123; *beghila* (маленький мул), рис. 120—121. В других мотивах стилизация настолько сильна, что трудно уловить связь между названием и изображением. Все орнаменты, как натуралистические, так и геометрические, отлично приспособлены к ковровой технике.

На таблицах XXXII—LXIV воспроизведены в черных тонах по фотографиям полные ковры или их части. Здесь можно лучше всего судить о композиции и орнаментальных сочетаниях. Цвета каждой существенной части описаны в легенде. Фон главного прямоугольного поля постоянно красный. В центре обычно помещается медальон, иногда несколько их по оси, а по концам две ломаные арки; сравнительно редко бывает одна арка. Обрамление состоит из нескольких рядов бордюров, огибающих все стороны поля, причем в более старых и особо длинных коврах появляются дополнительные поперечные ряды. Разнообразие мотивов, входящих в каждую композицию, довольно велико.

Второй том — «Tapis du Moyen Atlas» — состоит из предисловия (пол-страницы, без номера) и восьми глав. В первой — «Les tapis berbères du Moyen Atlas» (стр. 1—5, с картой расселения племен), дана характеристика изучаемого района, его географических и климатических особенностей, побуждающих исконное население вести кочевой образ жизни. Резкие холода и сырость обусловили, по мнению P. Ricard (стр. 4), совершенно необычный вид берберских ковров: их чрезвычайно длинный ворс (*toison*) представляет левую, нижнюю поверхность, а гладкая сторона является лицевой стороной ковра. Вторая глава (стр. 6—10) повествует о высоко

интересной анкете, инициатором которой был автор. До появления настоящего издания даже на рынках крупных марокканских городов, как Фес и Мекнес, к которым прилегает изучаемый район, невозможно было установить точно принадлежность ковров тому или другому племени. С целью устранить разногласия в определении их и выяснить ряд других вопросов на местах, Р. Ricard совершил путешествие к отдельным племенам. Но обширность и малодоступность района привела его к мысли прибегнуть сверх того к анкете. Вопросы, числом 14 (стр. 7—9), касались различных сторон местного производства, его группировки, характеристики, техники, орнамента, терминологии и т. д. Анкета была разослана представителям французской администрации на местах. Из ответов на анкету и сопроводительных рисунков, присланных преимущественно служащими Осведомительного Бюро, составлена третья глава (стр. 11—54). Было обследовано ковровое производство девяти племен Среднего Атласа. Количество материала в ответах различно; особенно интересны и полны сведения о коврах племени Mguild. Терминология, преимущественно берберская, в противоположность I тому, не объединена в отдельный указатель: довольно подробный список дан в III главе для племени Mguild, в главе V — «Les motifs» (стр. 59—65) и в меньшем количестве встречается в прочих частях третьей главы. В остальных главах IV—VIII дан анализ собранного, совершенно свежего материала.

Композиция берберских ковров (гл. VI, стр. 66—68) проста и состоит из повторений строго-прямолинейного орнамента, которым пользуются и при передаче круглых форм (стр. 65). Самый типичный из мотивов — ромб всех величин, в разнообразных комбинациях, затем крестообразные фигуры. Те и другие обуславливают образование диагонально скрещенной сетки в схеме рисунка.¹ Обрамление поля разработано слабо и несколько сильнее выделено только в коврах новейшей выделки. Основной тон дает натуральная белая шерсть, которую прежде в некоторых типах дополняла натуральная же черная (гл. VII — «Le coloris», стр. 70); позднее не только черный цвет окрашивался искусственно: чем ближе к западу, тем больше в местных коврах расцветки, доминируют более темные тона, и тем основательнее ввозные краски вытеснили местные способы.

Второй том иллюстрирован не менее щедро, чем первый. На шестидесяти четырех таблицах изображены части берберских ковров по фотографиям, дающим вид то со стороны ворса, то с гладкой лицевой поверхности, где рисунок выступает очень отчетливо, то, наконец, в схеме на

¹ Схемы даны в указанной статье Goudard, рис. 5 и во II томе, рис. 16.

сетке, с условным обозначением расцветки. Дополнением к ним служат рисунки и схемы узоров в тексте глав III и V.

Одним из оригинальнейших мотивов является несколько варьирующийся у отдельных племен в деталях, но одинаковый по идее узор, представляющий ворсяной гребень, т.-е. инструмент, употребляемый в ковровом деле (*la carde*, стр. 28—30, 64; рис. 12—13, 60 с.). Узор состоит из прямоугольника или планки на прямой рукояти. Заполнение прямоугольника изображает зубцы гребня. Перенесясь от ковров берберского племени *Aït-Joussi* далеко к востоку, мы встречаем в узбекских узорах с. Милябад, собранных М. Ф. Гавриловым,¹ опять таки ворсяной гребень. Из четырех изображений, данных М. Ф. Гавриловым на стр. 5 (№ 12 списка, стр. 9—пат тарак), наибольшее сходство с берберским узором заметно во втором ряду; это изображение состоит из трех прямоугольничков на прямом стержне и пяти палочек-зубцов по концам. Тогда как в узбекском орнаменте форма инструмента как бы законченная (см. на воспроизведении «гаджарли-алачи», крайний ряд направо вверху, стр. 7), соответствующий орнамент у берберов, сливаясь, повторяется бесконечно в вертикальном направлении, т.-е. по длине ковра (ср. табл. XI—XII). В связи с этим, очень любопытно замечание Р. Ricard на стр. 64—65: молодые ткачихи в мастерской францисканских монахинь в Мекнесе называют этот узор «железная дорога», сравнивая его с цепью поездных вагонов. Р. Ricard приводит этот случай, как пример возможности укоренения нового названия в ущерб старой идее. Это замечание вполне справедливо и, может быть, когда удастся путем кропотливой и упорной работы вскрыть сущность части ковровых мотивов, обнаружится в некоторых случаях их полное расхождение с ныне живущим наименованием.

Изобразительные приемы мастеров мусульманского востока и запада имеют много точек соприкосновения. Для передачи образа кибитки туркмен пользуется пятиугольником,² в коврах Рабата дом (*dâr*) изображают посредством восьмиугольника,³ а у берберов племени *Aït Ighezrane* ромбовидная фигура носит название палатки.⁴ Таким образом, во всех трех случаях идея жилища передана посредством простой геометрической фигуры. «Corpus» даст достаточно материала для сравнительного изучения коврового искусства различных стран и включение его в «Библиографический

¹ М. Ф. Гаврилов, Ткацкое искусство узбекской женщины с. Милябада. Отд. оттиск из журнала «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 1—2, стр. 11.

² Ф. Гогель, Туркменский ковер (Музей восточных культур). Москва, 1927. Стр. 9.

³ Указатель к первому тому, с. v.

⁴ Т. II, стр. 13—59, рис. 3—5.

указатель по ковровым тканям Азии», составленный в 1925 г. А. А. Семеновым, нужно считать вполне уместным.

Хороший знаток марокканского народного искусства, а вместе с тем и чуткий его ценитель, Р. Ricard сам почувствовал некоторую опасность, таящуюся в предъявлении строгих требований относительно состава узоров, оговорив это в заключении ко второму тому (стр. 73—74). Не желая препятствовать нормальной эволюции ковровых типов, Французская администрация хочет уберечь производство от вредных и случайных влияний и воспрепятствовать появлению «не настоящих» ковров. Эти желания, конечно, можно только приветствовать. Далеко не к этим идеалам стремятся в некоторых известных центрах современной ковровой промышленности, хотя бы в Малой Азии и Персии, где без стеснения фабрикуются фальшивые изделия под старинные образцы, сплошь и рядом не местного происхождения.¹ Однако, осторожность, при том большая, требуется и при идеальных задачах. Так как, поддерживая производство в Марокко, организаторы желают вместе с тем обеспечить и сбыт, в котором заинтересовано государство, и частные, уже функционирующие мастерские, проскальзывает мысль о приспособлении марокканского ковра к типу европейского жилища. Мысль эта, встречавшаяся и раньше,² формулирована у Р. Ricard так. Говоря о дополнительных поперечных бордюрах длинных ковров (стр. 5—6, т. I), автор считает их не особенно удачными: «. . . on en trouve plusieurs dans les tapis de Rabat, et rarement bien assortis comme couleurs et comme motifs. C'est une indication précieuse au moment où l'on songe à l'adaptation des tapis de Rabat à des usages plus modernes: il n'y a qu'à laisser tomber les bandes parasites pour obtenir des tapis moins longs et plus conformes aux besoins actuels, la composition en sera au surplus beaucoup plus satisfaisante». Ставить такие задания перед народным искусством, пожалуй, рискованно, из опасности произвольного искажения форм, подсказанных ему природным вкусом и собственными потребностями.

Оглянувшись на проделанную Р. Ricard и участниками анкеты работу, нужно признать ее выдающееся значение. Изданию надо пожелать самое широкое распространение в среде специалистов по коврам и в районах производства. Те и другие найдут сведения по разнообразным, интересующим их вопросам, не исключая местных способов окраски и типов узла. Полезна эта работа и для сравнения с мероприятиями для сохранения

¹ Н. Rogers, op. cit., p. 38—40. В. М. Зуммер, Современные кубинские ковры, Изв. О-ва Обследования и изучения Азербейджана, Баку, 1926, № 3), стр. 191.

² Н. Rogers, op. cit., p. 75.

в чистоте и поддержании коврового производства у нас.¹ Во многих пунктах работа, как и цели, совпадают. Но в то время как Азиатский Отдел Загосторга устраивает в 1926 г. двухдневную выставку в сел. Куба и премирует лучшие ковры, Service des Arts Indigènes в Марокко относится как будто строже: там обязательно учитывается и качество окраски. Что касается чистоты стиля, то может ведь настать такой печальный день, когда ни один из ковров на выставке не окажется удовлетворительным. В. М. Зуммер обратил внимание в своей статье на пользу фотографирования, зарисовки и составления формуляров выставочного материала, которое было предпринято на ковровой выставке в Мерве.² Этот формуляр отличается от марокканской анкеты главным образом тем, что в его рубриках нет всех вопросов, касающихся техники, видоизменений типа, размеров производства. Преимущество анкеты в получении материала из первоисточника, в нормальной бытовой среде. Если отдельные исследователи и экспедиции у нас и ставили себе аналогичные задачи,³ все же поражает широта постановки дела в Марокко. Изучение ковров во французском Марокко сразу стало на твердую почву и тем созданы благоприятные условия для дальнейших исследований в этой области.

В заключение пожелаем, чтобы следующий том издания P. Ricard — «Tapis du Haut Atlas et du Haouz de Marrakech» дал не менее интересный материал, а вместе с тем чтобы были выпущены обещанные цветные таблицы, которых не могут заменить ни описания в легендах под таблицами, ни условное обозначение красок.

В. Крачковская.

41. Friedrich Sarre. *Keramik und andere Kleinfunde der islamischen Zeit von Baalbek. Sonderabdruck aus dem III Bande der Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1898 bis 1905.* Стр. 29 + 87 рис. в тексте + 6 таблиц, из них две в красках. 4° maj. Изд. Walter de Gruyter & Co. Berlin und Leipzig, 1925.

С каждым годом возрастает количество материала для сравнительного изучения мусульманского прикладного искусства. Не редки, однако, случаи опубликования и новых выдающихся памятников, ценность которых бывает иногда относительной из-за туманности происхождения. Данная работа F. Sarre, наоборот, имеет громадное преимущество: исследуемый

¹ См. В. М. Зуммер, *op. cit.*, стр. 190—192.

² Там же, стр. 192, 11.

³ Например, вышеуказанная работа М. Ф. Гаврилова вполне соответствует ответам на анкету во втором томе издания P. Ricard.